

ВОЛШЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ С СЕМАНТИКОЙ «ПРОСМОТРА ВСЕЛЕННОЙ» В ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ ХАКАСОВ

Н. С. Чистобаева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,

Абакан, Россия

e-mail: chistobaeva-76@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью детального, системного анализа семантики, роли, функции конкретных волшебных предметов в героических сказаниях хакасов. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые волшебные предметы и средства подвергаются детальному исследованию, в частности, с семантикой «просмотра Вселенной». Цель данного исследования состоит в выявлении и описании волшебных предметов с семантикой «просмотра Вселенной». Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: выявление и описание устойчивых поэтических описаний на примере волшебных предметов с данной семантикой, при детальном анализе конкретных волшебных предметов, выявить сходства и различия в текстах разных сказителей, определить степень привязки к эпическому сюжету и мотивам. В работе были использованы описательный, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный методы. К рассматриваемой категории волшебных предметов относятся: солнечный глазок, лунный глазок, *айра*/бита, складной нож, игла (игольное ушко). При помощи волшебных предметов *күн көстік* ‘солнечный глазок’ и *ай көстік* ‘лунный глазок’ персонажи эпоса могут видеть, что происходит на любом расстоянии. Чаще всего в текстах эпических повествований встречается складной нож с девятью гнездами или складной нож с двенадцатью гнездами. Иногда функции золотого складного ножа совпадают с функциями волшебного солнечного глазка. Таинственность зеркального отражения полностью переложена на складной нож. Способность складного ножа отражать свет и блеск придали ему те же магические свойства и уподобили его волшебным свойствам зеркала. Несмотря на то, что золотая *айра* обладает магическими свойствами, тем не менее она не обладает способностью всеведения. Этот волшебный предмет связан с мотивами выезда богатыря из дома на поиски родителей и на битву с противниками, что композиционно составляет завязку действия. Игла используется как один из элементов воинских игр. Этот волшебный предмет связан с мотивами трудных задач и условий ее решения, испытаний и других подвигов богатыря.

Ключевые слова: героические сказания; хакасы; сказитель; богатырь; устойчивые поэтические описания; солнечный глазок; лунный глазок; *айра*/бита; складной нож; игла (игольное ушко)

Для цитирования: Чистобаева Н. С. Волшебные предметы с семантикой «просмотра Вселенной» в героических сказаниях хакасов. *Эпосоведение*. 2025;1(37):59–69. <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2025-1-59-69>.

Original article

Magic objects with the semantics of “viewing the universe” in the Khakas’ heroic tales

Nadezhda S. Chistobaeva

Khakas Research Institute for Language, Literature, and History,
Abakan, Russia
e-mail: chistobaeva-76@mail.ru

Abstract. The relevance of this topic is due to the need for a detailed, systematic analysis of the semantics, role, and function of specific magic objects in the Khakas’ heroic tales. The scientific novelty of the work lies in the fact that magic objects and tools, in particular with the semantics of “viewing the universe”, are subjected to detailed research for the first time. The purpose of this study is to identify and describe magic objects with the semantics of “viewing the universe”. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to identify and describe stable poetic descriptions using the example of magic objects with this semantics; with a detailed analysis of specific magic objects, to identify similarities and differences in the texts of different storytellers; to determine the degree of reference to the epic plot and motifs. Descriptive, structural and semantic, comparative methods were used in the work. The category of magic objects under consideration includes: a sun mirror, a moon mirror, an *aira* (a bat), a jack-knife, a needle (needle eye). With the help of magic objects such as a *kyun kyostik* (a sun mirror) and an *ai kyostik* (a moon mirror), characters of an epic can see what is happening at any distance. Most often, in the texts of epic narratives, there is a jack-knife with nine sockets or a jack-knife with twelve sockets. Sometimes, the functions of a golden jack-knife coincide with the functions of a magic sun mirror. The mystery of a mirror reflection is completely transferred to a jack-knife. The power of a jack-knife to reflect light and shine gave it the same magical features and likened it to the magical features of a mirror. Despite the fact that the golden bat has magical features, nevertheless it does not possess the power of omniscience. This magic object is associated with the motifs of the hero’s departure from home in search of his parents and to battle with enemies, which compositionally forms the beginning of the action. The needle is used as one of the elements of military games. This magic object is associated with the motifs of difficult tasks and conditions for their solution, trials and other feats of the hero.

Keywords: heroic tales; Khakas; epic teller; hero; stable poetic descriptions; sun mirror; moon mirror; bat; folding knife; needle (needle eye)

For citation: Chistobaeva, N. S. Magic objects with the semantics of “viewing the universe” in the Khakas’ heroic tales. *Epic studies*. 2025;1(37):59–69 (in Russian). <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2025-1-59-69>.

Введение

Сказочность, богатый образный язык, яркие художественные средства тонко вплетены в поэтическую ткань героических сказаний. Высокохудожественные описания представлены выразительными сравнениями, различными тропами. Несмотря на художественное совершенство и историко-познавательную ценность эпических повествований, сказочная интерпретация отдельных мотивов создает в них большую популярность. В эпических повествованиях богатыри обладают способностью превращаться в другие существа или обладают магическими знаниями для достижения своей поставленной цели, что в эпосе расценивается как необычайная находчивость и мудрость.

При выборке из десяти героических сказаний, записанных от известных хакасских хайджинамачи, выявлены 32 единицы волшебных предметов и средств, которые распределены по шести семантическим группам.

1) Для получения интересующей информации персонажами в эпосе задействованы такие волшебные предметы как: книга судьбы, письменное послание, письмо, лист бумаги, живая стрела-хосто, золотой гребень. В сказаниях наиболее частым волшебным предметом с данной семантикой выступает книга. К ней обращаются для получения имени богатыря/богатырки,

информации о родителях, предначертанной невесте/суженого, предназначении богатыря/богатырки, местонахождении целительного предмета, богатырского коня и богатырского снаряжения.

2) К рассматриваемой группе «исцеления и воскрешения» относятся такие волшебные предметы и средства как: трехсуставная белая/зеленая трава, части травы (лист, макушка), вода (живая, мертвая), молочное озеро, цветок, черный/белый шелковый платок, золотая гора, плетъ с золотой ручкой, перо, складной нож. Исцеление и воскрешение героев эпоса способствует дальнейшему раскрытию мотивов, связанных с борьбой, героическим сватовством, с испытаниями и подвигами богатыря/богатырки.

3) Для «восстановления и обретения богатырской силы» используются платок (белый/черный), перо, складной нож, таволожник. Также в героических сказаниях встречаются такие волшебные предметы, которые необходимо съесть или испить для обретения или восстановления богатырской силы: яйцо, сырок, корень золотого таволожника, вода из молочного озера. Как показал анализ, чаще всего эти волшебные предметы и средства используются различными персонажами в описаниях, связанных с богатырским поединком.

4) В хакасских эпических повествованиях представлены различные виды волшебных средств и предметов, способствующих «просмотру Вселенной»: солнечный глазок, лунный глазок, *айра*/бита, складной нож, игла (игольное ушко). Эти волшебные предметы связаны с мотивами выезда богатыря из дома на поиски родителей, трудных задач и условий ее решения, испытаний и других подвигов богатыря.

5) В группу волшебных предметов с семантикой «Место хранения души» относятся девятигранное черное яйцо, золотой волос, складной нож. В текстах сказаний чаще всего они встречаются в мотиве неуязвимости, когда душа героя хранится в потаенном месте.

6) К рассматриваемой группе волшебных предметов с семантикой «перевоплощения» относятся мячик/шарик, белёсая трость, черный платок, кольцо. В эпических повествованиях главным персонажам они указываются, передаются, появляются, предназначаются. Эти волшебные предметы связаны с мотивами героического сватовства, мотивировкой отъезда на родину, мотивировкой отъезда с невестой, путь домой.

Тема волшебных помощников и предметов проанализирована в системе персонажей сказочного фольклора в работах Е. М. Мелетинского [1], В. М. Жирмунского [2; 3], В. Я. Проппа [4; 5] и др. Образы волшебных помощников, а также чудесных предметов и средств фрагментарно рассмотрены в исследованиях, касающихся тюрко-монгольского эпоса. По мнению М. А. Унгвицкой «...почти в каждом героическом сказании герою приписывается умение воскрешать мертвых, понимать язык птиц, принимать различные виды (оборотничество), разгадывать козни злых волшебников, превращать обыкновенных коней в крылатых... Умение волхвовать, кудесничать – это второстепенное свойство каждого богатыря, подчеркивающее его «всемогущество», умение выйти из любого положения» [6, с. 111]. Р. С. Липец, исследуя историко-этнографические корни эпоса тюркоязычных и монголоязычных народов евразийских степей, пишет о том, что «батыр, особенно в наиболее архаичных эпосах, одновременно с воинскими доблестями обладает магической силой и знаниями. Это – искусство превращений, которым он широко пользуется; посещение подземного мира и борьба с темными силами; вызывание нужных ему природных явлений (снег, тьма, вплоть до сведения солнца и луны с неба по луку седла); искусство завораживающего пения» [7, с. 53]. В. Е. Майногашева рассматривая образы волшебных помощников, а также чудесных предметов и средств, отмечает, что «когда герою необходимо проникнуть внутрь скалы, он произносит магические слова, и от удара его ноги появляется дверь. Внутри скалы есть ложе в виде широкого камня, имеется также подпорка для потолка. И с внешней стороны Белая Скала напоминает юрту – она опоясана уступами наподобие того, как юрта опоясана обручами [8, с. 541; 9, с. 93]. По мнению А. И. Чудоякова, богатырь наделяется сверхчеловеческими качествами, если ему предстоит вступить в поединок с мифическими персонажами и в борьбе с ними одержать победу [10, с. 62].

Б. С. Дугаров, рассматривая сюжетную роль священной книги в текстах бурятского («Абай Гэсэр») и алтайского («Маадай-Кара») эпосов, приходит к мнению о том, что алтайский судур и бурятский ном, как образы «книги судеб», воплощенные в эпической интерпретации, по всей вероятности, генетически восходят к буддийским астрологическим текстам, также указывает на влияние буддизма на фольклорную традицию тюрко-монгольских народов [11, с. 82, 87].

По мнению Д. В. Убушиевой, которая провела сравнительно-типологическое исследование архаического эпоса «Джангар» и тувинского героического сказания «Хунан Кара» на примере анализа волшебных помощников, «эпос выделяет персонифицированные способности героев, нежели конкретных волшебных помощников» [12, с. 172].

Исследователи М. М. Содномпилова, С. Д. Гымпилова, анализируя особенности лечебных приемов и атрибутов лекарей в эпических текстах тюрко-монгольских народов, пришли к выводу о том, что «целительские способности в той или иной степени, как и способности к магии, обнаруживаются у разных персонажей известных эпических произведений кочевников тюрко-монгольского мира, будь то главный герой или персонаж второго плана [13, с. 112]. С. М. Орус-оол, исследуя сюжетно-тематическое строение тувинских эпических произведений, в частности, «Эрге-Кара Сыйбын» отмечает, что «...для выполнения разных, заведомо невыполнимых поручений: необходимо привезти сердце синего быка, белую пену из моря, молоко дикого верблюда, якобы имеющие чудодейственные свойства» [14, с. 29].

По мнению Н. С. Чистобаевой, волшебные предметы способствуют развитию определенного сюжета в эпическом произведении, соединению различных отрезков текста, обеспечении их семантической связности. К древнейшим чертам образов хакасских богатырей относится мотив волшебства, обладание богатыря/богатырки чудесными способностями. Почти в каждом героическом сказании герою приписывается умение добыть интересующую информацию с помощью волшебной книги, исцелить и воскресить мертвых различными волшебными средствами, восстановить и обрести богатырскую силу, прибегнув к средствам, которые необходимо съесть или испить, возможность видеть все происходящее на любом расстоянии (просмотр Вселенной), перевоплотиться/перевоплотиться с помощью различных волшебных предметов [15, с. 98; 16, с. 53].

Предметом нашего внимания является выявление и описание волшебных предметов с семантикой «просмотра Вселенной», способствующих развитию определенного сюжета и мотивов в эпическом повествовании хакасов. Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих задач: выявление и описание устойчивых поэтических описаний на примере волшебных предметов, при детальном анализе выявить сходства и различия в текстах разных сказителей, определение степени привязки к эпическому сюжету и мотивам.

Лунный глазок, солнечный глазок

С давних времен зеркало занимает одно из ведущих мест в верованиях разных народов. Издревле таинственность зеркального отражения является стимулятором мифологического воображения. Существуют приметы, предания, обычаи, связанные с зеркалом. В древнетюркское время на зеркала наносились иероглифические надписи-заклинания, которые символизировали вечное здоровье ближнему. Также зеркало или его части выступали магическими средствами индивидуальной защиты, т. е. оберегом. В обряде гадания зеркало приобрело устойчивую ритуальную функцию. Шаманы, сказители относятся к той категории людей, наделенных способностью особого видения. Способность чудесного видения тесно связывалась с атрибутами шамана. «Чудесное зрение шамана усиливало и небесное зеркало *күзүлгү*. Тувинцы считали, что имитировать камлание мог любой желающий, но зеркало имел только шаман. Некоторые «большие» шаманы могли обходиться и без ритуального облачения, но камлать без зеркала не решались» [17, с. 105].

Для обозначения зеркала в современном хакасском литературном языке есть слово *körindes* (от глагола *kör* ‘видеть’), а в кызыльском диалекте хакасского языка используется слово – *köstik* ‘зеркало’ (от сущ. *kös* ‘глаз’). В фольклоре хакасов чаще всего встречаются *kün köstik* ‘солнечный глазок’ или *ay köstik* ‘лунный глазок’, при помощи этих волшебных предметов персонажи эпоса могут видеть, что происходит на любом расстоянии, в любом месте на земле, под землей, на небе. В текстах сказаний слово *köstik* ‘глазок’ всегда идет в сочетании с определениями *ay* ‘лунный’ или *kün* ‘солнечный’: *Aй köstigin сыгарган, / Kün köstigin хыс кизи / Суура тартып турадыр. / Алтын столның үстүне / Iki köstigin тургызып, / Анда көрп одыр* [18, с. 213] – ‘Лунный глазок свой [из кармана] вынула, / Солнечный глазок свой [Из кармана] дева вытаскивает, / На золотой стол / Оба глазка она поставила, / [И в них] смотрит’ [18, с. 454]. Этот пример указывает на отождествление блеска зеркал со светом солнца и луны. Нередко глазок/зеркало бережётся в платке со связанными углами и хранится под подушкой. В эпических повествованиях хакасов образ глазка/зеркала несет особую смысловую нагрузку и является существенным для понимания характера, действий и поступков героев. Зеркало выступает как волшебный предмет и источник видений. Как правило, обладательницей глазка/зеркала является положительная героиня (сестра богатыря, жена богатыря, преданная служанка) с необыкновенными способностями. Она наделена колдовскими и знахарскими умениями. Героиня использует глазок/зеркало в описаниях, связанных с мотивировкой выезда богатыря/богатырки из дома (на осмотр владений, поиски суженой, охоту и др.), что композиционно составляет завязку действия. Девушка-богатырка, воспользовавшись лунным глазком или солнечным глазком, предостерегает богатыря от всевозможных опасностей, дает советы как победить врага или преодолеть трудные препятствия. Также волшебное зеркало используется для сопровождения на всем пути следования богатыря.

Расстояние, которое можно посмотреть через лунный глазок и солнечный глазок в текстах сказаний передаются словосочетаниями: *чир хыринаң чир хырина читире* ‘от края и до края земли’, *хан тигирнің паарына* ‘в глубину неба-хана’, *kün сыгызы чирні көре* ‘в сторону, где восходит солнце’, *ах пулуттың үстүнде* ‘на вершине белого облака’, *ах айастың алтында* ‘по ясному небу’, *алты күннің чирде* ‘[в том краю], что в шести днях пути’.

В описании просмотра Вселенной со словом *köstik* ‘глазок’ использованы следующие синонимичные глаголы *körrerge* ‘смотреть’, *ñilerge* ‘узнавать’, *оңнирге* ‘понимать’. В разных текстах эпические формулы варьируются контекстуальными синонимами-глаголами, выраженными простой формой: *körgen* ‘смотрел’, *ñilgen* ‘узнавал’ и при помощи аналитических конструкций *körp odyr* ‘смотрит’, *оңап турза* ‘понимает’, *ñilip odyr* ‘узнает’.

Складной нож

В повествованиях хакасов сказителями особое внимание уделено описаниям вооружения и доспехов. В них подробное изложение достигается путем детальной обрисовки действия того или иного оружия. В эпосе хакасов оружие всегда изображается гиперболично, и нередко оно чудодейственное. В повествованиях *тоңарах/томырах* ‘складной нож’ занимает относительно скромное место, уступая луку, стреле, мечу, копыю, сабле. Если перечисленные средства вооружения в сказаниях выступают в основной своей функции, т. е. для поражения противника в сражении, то складной нож большей частью используется для восстановления и обретения богатырской силы, просмотра Вселенной, места хранения души, перевоплощения, оживления. В поэтических описаниях указывается прежде всего его назначение, строение, возможности. Местом хранения складного ножа является, как правило, золотой сундук или карманы одежды. В описаниях сундук бывает с разным количеством замков *тогыс аастыг ах тас сундух* ‘кованный серебром сундук с девятью замками’. Часто указывается и материал, из которого сделан сундук, например, *хызыл тас сумдух* ‘сундук из красного камня’, *тогыс клүстіг сойын сундух* ‘чугунный сундук с девятью ключами’. Иногда в текстах встречается необходимое условие для

открытия сундука, например, *тогыс клүзін тооза алып, / тогыс көгнөң айландыра пасча* ‘взяв все девять ключей / девять песен [припевая], поворачивает’¹.

В героическом сказании «Алтын Айра на бело-буланом коне» («Ах ой аттыг Алтын Айрадаңар») старец по имени Алтын Тас богатырю Алтын Айра перед первым выездом из дома вручает богатырское оружие, снаряжение для коня, доспехи, оставленные его отцом. Так, он из золотого сундука достал красное одеяние, сорокослойный крепкий *куяк*, девятисуставной роговой лук, тридцатиглазую живую стрелу, золотой складной нож. Из представленного перечня вооружения становится понятным, что демонстрация идет в гиперболическом преломлении. Часто какой-нибудь предмет имеет несколько художественных определений, которые с разных сторон раскрывают его достоинства, например, силу, быстроту, размер, качество.

В эпосе хакасов встречается *позы кизилцең молат тоңарах* ‘саморежущий стальной складной нож’. В мотиве чудесного рождения нередко присутствует складной нож: *ах тахнайга са-лабас ах томырагынаң кинін кис турадыр*² положив пуповину на березовую щепку, священным складным ножом перерезают пуповину³. Чаще всего в текстах эпических повествований встречается *тогыс уялыг томырах* ‘складной нож с девятью гнездами’ или он *ікі уялыг томырах* ‘складной нож с двенадцатью гнездами’. Интересно, что в алтайском эпосе «Алтай Буучай» тоже встречается складень-нож, но с его помощью расправляются с богатырем: «Два похожих друг на друга эти прожоры / Складнем-ножом Алтай-Бучын / Два глаза его выколупали, / Два больших пальца (рук) отрезали [19, с. 93]. В алтайском эпосе «Очы-Бала» встречаем подобное, как в хакасском эпосе, описание складного ножа, обладающего волшебной силой: с золотой рукоятью нож-складень с тремя гнездами, с девятью лезвиями. Если в алтайском эпосе складной нож выступает орудием умерщвления противника, наделенного бессмертием, то в хакасском эпосе складной нож выступает неким проводником, при помощи которого можно достичь места хранения души. В фольклоре хакасов сохранились богатые сведения в виде различных мифологических представлений о месте, где расположена душа. В эпосе представление души выражено в виде тонкой нити, волоса. Так, в сказаниях чаще всего речь идет о трех волосах, каждый из которых размером в сажень, вросших в самое сердце. Иногда душа находится в сердце в виде трехголового шипящего змея, которого необходимо убить складным ножом. По всей видимости, в этом случае речь идет о мотиве неуязвимости, когда душа героя хранится в потаенном месте. В героическом сказании «Кюргюлдей Мирген на буром коне» в исполнении хайджи-нымахчи И. Ф. Райкова, богатырский бело-буланный конь, раскрыв складной нож с двенадцатью гнездами, увидел место хранения души богатыря Кюргюлдей Миргена, свое рождение и дорогу, ведущую к высокому горному хребту. Это эпическое повествование необыкновенно богато событиями жизни богатыря. Сюжет динамичен, насыщен действиями героев. С гибелью богатыря на время заканчивается рассказ о нем. В дальнейшем в действие вступает новый персонаж, богатырский конь, который для просмотра происходящего, воспользовался золотым складным ножом:

¹ «Ах ой аттыг Ах Хан апчах» – «Старик Ах Хан на бело-буланом коне» (запись Субраковой О.В. от сказителя Бурнакова А.С. 1972) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 674. 104 л. – Л. 15. (На хакасском яз.)

² «Ача-пиг» – «Старший брат-бек» (запись Кызласовой А. Т. от сказителя Боргоякова С. Т. 1948) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98. Л. 82–195. – Л. 354. (На хакасском яз.)

³ Здесь и далее перевод автора

Ах ой ат піл турза,
 Он ікі аастыг алтын тоңарахты ал киліп,
 Аны чаза тутса, анда көрінер полтыр,
 Алып Күргүлдейнің арыг тыны
 Хайдаг чирде полчатханы көрінер полтыр.
 Алтын тоңарахты чаза тартып, көр турза,
 Прай анда пұткен ниме ле чох полтыр.
 Ах ой ат поэзының төріпчеткенін,
 Күргүлдейнің төріпчеткенін андох көрді.
 Аннаң сыгара чол партыр,
 Ах ой ат поэзы парчанын көрібөкче⁴.

Бело-буланный конь [теперь] узнает:
 Если золотой складной нож с двенадцатью
 гнездами взять
 И его раскрыть, там всё можно увидеть.
 В каком месте душа богатыря Кюргюлдея
 хранится,
 Можно увидеть, оказывается,
 Если раскрыть золотой складной нож и
 посмотреть,
 Все, что сотворено там есть, оказывается.
 Бело-буланный конь свое рождение,
 Рождение Кюргюлдея тоже там увидел.
 Оттуда идет дорога
 И бело-буланный конь видит себя идущим
 [по этой дороге].

В данном поэтическом описании функции золотого складного ножа совпадают с функциями волшебного солнечного глазка. Они являются источником видений. По всей вероятности, таинственность зеркального отражения полностью переложена на складной нож. Способность складного ножа отражать свет, блеск придали ему те же магические свойства и уподобили его волшебным свойствам зеркала.

Разнообразие эмпирического материала, связанного с мотивами складного ножа, позволяет сделать вывод о значительной роли данного волшебного предмета в эпической традиции хакасов.

Для устнопоэтической традиции хакаского эпоса характерно художественно-образная повторяемость устойчивых формульных выражений. Стиль *алыптыг ныхахов* от других жанров отличается многообразием отшлифованных эпических формул. В данном случае присутствуют эпические формулы: *Прай нимені көрдім, / Прай нимені пілдім*⁴. – ‘Все [я] увидел, / Все [я] узнал’; *Сагысынаң саналыс турлар, / Көгісіңің кұрес турлар*⁵. – ‘Умом считают, / С душой борются’.

Как показал анализ, в описаниях просмотра Вселенной при помощи складного ножа часто встречаются числа: 6, 9, 12. По мнению Т. А. Новичковой, «эпос далеко не свободен в использовании чисел. Числа традиционные, постоянно встречающиеся в разных эпических сюжетах, каждое из них оказывается центром притяжения определенного круга представлений» [20, с. 83]. Также традиционными числами в эпосе передаются длительность, многократность тех или иных действий и событий, количественное значение «много-мало», и, конечно, числа используются с целью соблюдения аллитерации в тексте.

Далее богатырский конь, обладающий магическим умением, отправляется на поиски души богатыря. Так, по незнанию ему много раз приходится перевоплощаться в разных существ (желтый овод, черную муху, медведя, в черного соболя), но только раскрыв свой золотой складной нож с двенадцатью гнездами, богатырский конь понимает, что нужно перевоплотиться в сокола. Далее с помощью волшебного складного ножа он создал мнимый белый тополь с золотыми листьями. В путевых испытаниях благодаря сноровке и волшебным способностям складного ножа он преодолевает все трудности.

Айра/бита

В группу волшебных предметов с семантикой «просмотра Вселенной» относится *айра*. В хакасско-русском словаре лексема *айра* имеет следующие толкования: *айра*, бита, главный

⁴ «Күрең аттыг Күргүлдей Мирген» – «Кюргюлдей Мирген на буром коне» (запись Манаргина А. К. от сказителя Райкова И. Ф. 1945) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 96–176. – Л. 93. (На хакасском яз.)

⁵ Там же – Л. 92

астрал (при игре в бабки и альчики); *айра хазых* ‘альчик, используемый как *айра* (бита)’; *улуз хазыхты айра итчеңнер* ‘для айры брали большие по размеру альчики’ [21, с. 44].

В эпосе «Хара Хан на вороном коне с отметиной на лбу и красавица-жена Хара Плат» («Хамагы хашхы хараттыг Хара Хан, алганы Хара Плат абахай»), записанном от сказителя П. В. Кужакова в 1947 г., герой Хара Хан узнает из письма, прикрепленного к правому крылу ласточки, что на него идут войной представители Нижнего мира. Предвидя неминуемую гибель, Хара Хан убегает из своих владений, также поступает и его красавица-жена Хара Плат, оставив, играющего в альчики шестилетнего сына. Не сумев одолеть шестилетнего мальчика, враги спешно возвращаются в Нижний мир. Шестилетний мальчик при помощи волшебной золотой айры, принадлежащей отцу, узнает местонахождение своего отца и матери и отправляется на их поиски. В путевых приключениях юный богатырь обращается к другому волшебному предмету, к говорящей волшебной плетке. Он заранее узнает от своей говорящей волшебной плётки, что планируют сделать его противники, и каждый раз побеждает их.

*Хара Хан абазының алтын айра полтыр.
Аны көргенде,
Читон чир алтындагы хырых тамылнаң
Хан тигір тѳзіне читіре
Көрінчең полтыр⁶.*

У его отца, Хара Хана, золотая айра была,
оказывается.
[Когда] в нее смотрел,
Из семидесяти слоев, что под землей, сорок
слоев [видно]
До основания неба
Видно было, оказывается.

В данном поэтическом описании показаны возможности данного волшебного предмета. Несмотря на то, что золотая *айра* обладает магическими свойствами, тем не менее она не обладает способностью всеведения. В эпическом повествовании местом хранения золотой *айры* выступает черный сундук с девятью ключами. Этот волшебный предмет связан с мотивами выезда богатыря из дома на поиски родителей и на битву с противниками, что композиционно составляет завязку действия. Сказительское мастерство П. В. Кужакова выделялось индивидуальным стилем. Стилистика сказителя более динамична, у него меньше эпитетов, сравнений. Эпитет *айры* (биты) – *алтын* ‘золотой’. В другом героическом сказании «Богатырь Хулатай на темно-саврасом коне», исполненном Ф. Н. Райковым в 1948 г., указывается величина волшебной *айры* и используются числа девять и восемь: *От пазынча алтын айра атыл килін, / Тогыс хадыл тоң молаттың, / Сигіс хадылын ѳтіре тѳзіп, / Тогызынчызын тобыр полбасчых⁶* – ‘Золотая айра размером с вспыхнувшее пламя появившись, / У крепкого меча в девять слоев, / Через восемь слоев прошла, / А девятый [слой] не смогла бы пройти’. Здесь сказителем своеобразно передан размер золотой *айры*: от *пазынча* букв. ‘по самую макушку огня’, т. е. вспыхнувшее пламя напоминает шаровую молнию, а в сочетании с глаголом *атыларга* букв. ‘бросаться, кидаться, метать’ передает семантику мгновенного действия, в тексте перевели как ‘появившись’. В эпосе хакасов есть традиционная поэтизация опасных свойств острого меча *тынныг хара молат* букв. ‘черный меч, имеющий душу’, у которого *пізінең хан тамчылирдаг, / сыртынаң чалын чистирдаг* ‘с лезвия капает кровь, на обушке вспыхивает пламя’.

Игла

В эпических повествованиях проверкой искусства владения оружием являются воинские состязания. Одним из главных воинских достоинств является меткость при стрельбе. Выставляются различные сложные условия состязаний. Эти описания представляют детализированную картину дальности полета стрелы, меткости стрелков. В данном случае выставя-

⁶ «Хара хулаттыг алып Хулатайданар» – «Богатырь Хулатай на темно-саврасом коне» (запись Чанкова Д. И. от сказителя Райкова Ф. Н. 1948) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–150. – Л. 431. (На хакасском яз.)

ется трудная задача, задаваемая богатырью, оговариваются условия ее выполнения, например, прострелить лист священной золотой березы или попасть в уголок белого платка и т. д. Игла используется как один из элементов воинских игр, например, победившим считается тот, чья стрела, пущенная с расстояния в полдня пути, пройдет через ушко тонкой иглы. В этом случае игла не является волшебным предметом. Как показал наш эмпирический материал, образцов с данным волшебным предметом не встретилось, но в героическом сказании «Ай Солбан и Кюн Солбан» («Ай Солбаннаң Күн Солбан»), записанным сказителем С. И. Шулбаевым, встречается традиционное для эпоса поэтическое выражение со словом игла, смысл которого ‘испытывать тяжелые мучения, страдание’. Так, перед выездом из дома на битву с противниками богатырь Кюн Мирген узнает от своей жены о том, что у богатырского коня почти не осталось сил для борьбы, т. е. во время поединка богатырский конь испытывает тяжелейшие мучения. В тексте передано поэтическим выражением: *Ўт айахтаң сўт ісче, / Инге ўдінең кўн көрче* – ‘Пьет молоко из собачьей чашки / Видит небо через игольное ушко’ [22, с. 35]. Здесь в первой части имеет место оговорка, допущенная сказителем, точнее будет: *Іт айагынаң суз ісче, / Инге ўдінең кўн көрче* – ‘Пьет воду из собачьей чашки, / Видит небо через игольное ушко’. Подобные благозвучные, построенные на аллитерации выражения, придают языку хакасских сказаний красочную образность. Этот волшебный предмет связан с мотивами трудных задач и условий ее решения, испытаний и других подвигов богатыря.

Заключение

Таким образом, в хакасских эпических повествованиях представлены различные виды волшебных средств и предметов, способствующих просмотру Вселенной: солнечный глазок, лунный глазок, *айра*/бита, складной нож, игла (игольное ушко). Повествования со сказочными элементами необычайно оживляют, в частности, весь эпизод борьбы-сражения богатырей с противниками. Сказочные элементы обнаруживаются и в тех трудных задачах, задаваемых будущим тестем.

В эпических повествованиях для просмотра Вселенной положительными персонажами используются *кўн көстік* ‘солнечный глазок’ или *ай көстік* ‘лунный глазок’ при помощи этих волшебных предметов персонажи эпоса могут видеть, что происходит на любом расстоянии, в любом месте на земле, под землей, на небе. Глазок встречается в описаниях, связанных с мотивировкой выезда богатыря/богатырки из дома (на осмотр владений, поиски суженой, охоту и др.), что композиционно составляет завязку действия.

Чаще всего в текстах эпических повествований встречается *тогыс уялыг томырах* ‘складной нож с девятью гнездами’ или *он ікі уялыг томырах* ‘складной нож с двенадцатью гнездами’. Иногда функции золотого складного ножа совпадают с функциями волшебного солнечного глазка. Таинственность зеркального отражения полностью переложена на складной нож. Способность складного ножа отражать свет, блеск придали ему те же магические свойства и уподобили его волшебным свойствам зеркала.

В группу волшебных предметов с семантикой «просмотра Вселенной» относится *айра*. Несмотря на то, что золотая *айра* обладает магическими свойствами, тем не менее она не обладает способностью всеведения. В эпическом повествовании местом хранения золотой *айры* выступает черный сундук с девятью ключами. Этот волшебный предмет связан с мотивами выезда богатыря из дома на поиски родителей и на битву с противниками, что композиционно составляет завязку действия.

Предметом, наделенным волшебными свойствами, является игла (игольное ушко). Игла используется как один из элементов воинских игр, например, победившим считается тот, чья стрела, пущенная с расстояния в полдня пути, пройдет через ушко тонкой иглы. Этот волшебный предмет связан с мотивами трудных задач и условий ее решения, испытаний и других подвигов богатыря.

Литература

1. Мелетинский Е.М. *Герой волшебной сказки. Происхождение образа*. Москва: Изд-во восточной литературы; 1958:264.
2. Жирмунский В.М. *Сказание об Алпамыше и богатырская сказка*. Москва: Изд-во восточной литературы; 1960:331.
3. Жирмунский В.М. *Тюркский героический эпос*. Ленинград: Наука; 1974:726.
4. Пропп В.Я. *Морфология сказки*. Москва: Наука; 1969:168.
5. Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та; 1986:364.
6. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. *Хакасское народное поэтическое творчество*. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва; 1972:311.
7. Липец Р.А. *Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. Москва: Наука; 1984:262.
8. Майногашева В.Е. Примечания к переводу. В кн.: Курбижеков П.В. *Алтын Арыг. Хакасский героический эпос*. Москва: Наука; 1988:535–556.
9. Майногашева В.Е. *Хакасский героический эпос алыптых ныхмах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды)*. Абакан: Бригантина; 2015:228.
10. Чудояков А.И. *Этюды шорского эпоса*. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во; 1995:221.
11. Дугаров Б.С. Феномен книги в тюрко-монгольском эпосе: буддийское влияние и алтайско-бурятские параллели. *Ученые записки (АГАОИ)*. 2017;(1):82–88.
12. Убушиева Д.В. Волшебные помощники в калмыцком и тувинском эпосе. *Новые исследования Тувы*. 2019;(4):165–175. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.14>.
13. Содномпилова М.М., Гымпилова С.Д. Лечебные приемы и атрибуты лекарей в эпических произведениях тюрко-монгольских народов: к истокам целительских практик. *Традиционная культура*. 2021;22(4):112–122. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.009>.
14. Орус-оол С.М. *Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль)*. Москва: МАКС ПРЕСС; 2001:422.
15. Чистобаева Н.С. Роль волшебных предметов в эпическом повествовании хакасов. *Эпосоведение*. 2023;4(32):98–107. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2023-4-98-107>.
16. Чистобаева Н.С. Средства исцеления и воскрешения в героических сказаниях хакасов. *Эпосоведение*. 2024;2(34):53–66. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-2-53-66>.
17. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. (ред.) *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал*. Новосибирск: Наука; 1990:243.
18. Майногашева В.Е. (ред.) *Алтын Арыг. Хакасский героический эпос*. Москва: Главная редакция Восточной литературы; 1988:592. («Эпос народов СССР»).
19. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество*. Новосибирск: Наука; 1989:243.
20. Новичкова Т.А. *Эпос и миф*. Санкт-Петербург: Наука; 2001:247.
21. Субракова О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е. (ред.) *Хакасско-русский словарь*. Новосибирск: Наука; 2006:1114.
22. Шулбаев С.И. *Ай Солбаннаң Күн Солбан: алыптыг ныхмах*. Абакан: Дом литераторов Хакасии; 2021:292. (На хакасском яз.)

References

1. Meletinsky EM. *The fairy tale hero. Origin of the image*. Moscow: Oriental Literature Publ.; 1958:264 (in Russian).
2. Zhirmunsky VM. *The legend of Alpamysh and the heroic tale*. Moscow: Oriental Literature Publ.; 1960:331 (in Russian).
3. Zhirmunsky VM. *The Turkic heroic epic*. Leningrad: Nauka Publ.; 1974:726 (in Russian).
4. Propp VYa. *Historical roots of a fairy tale*. Leningrad: Leningrad University Publ. House; 1986:364 (in Russian).
5. Propp VYa. *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Nauka Publ.; 1969:168 (in Russian).

6. Ungvitskaya MA, Mainogasheva VE. *Khakas folk poetic creativity*. Abakan: Khakas Branch of Krasnoyarsk Publ. House; 1972:311 (in Russian).
7. Lipets RA. *Images of the batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epic*. Moscow: Nauka Publ.; 1984:262 (in Russian).
8. Mainogasheva VE. Notes to the translation. In: Kurbizhekov PV. *Altyn Aryg. The Khakas heroic epic*. Moscow: Nauka Publ.; 1988:535–556 (in Russian).
9. Mainogasheva VE. *Khakas heroic epic Alyptykh Nymakh: search for historical realities and periodization (selected works)*. Abakan: Brigantina Publ.; 2015:228 (in Russian).
10. Chudoyakov AI. *Sketches of Shor epic*. Kemerovo: Kemerovo Book Publ. House; 1995:221 (in Russian).
11. Dugarov BS. Phenomenon of a book in the Turkic-Mongolian epic: Buddhist influence and Altai-Buryat parallels. *Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)*. 2017;(1):82–88 (in Russian).
12. Ubushieva DV. Magic assistants in Kalmyk and Tuvan epic. *New Research of Tuva*. 2019;(4):165–175 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.14>.
13. Sodnompilova MM, Gypilova SD. Healing techniques and healers' attributes in the epic works of the Turkic-Mongolian peoples: to the origins of healing practices. *Traditional Culture*. 2021;22(4):112–122 (in Russian). <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.009>.
14. Orus-ool SM. *Tuvan heroic tales (textual studies, poetics, style)*. Moscow: MAKSPRESS; 2001:422 (in Russian).
15. Chistobaeva NS. Role of magical objects in the Khakas epic narrative. *Epic Studies*. 2023;4(32):98–107 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2023-4-98-107>.
16. Chistobaeva NS. Means of healing and resurrection in the Khakas heroic tales. *Epic Studies*. 2024;2(34):53–66 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-2-53-66>.
17. Sagalaev AM, Oktyabrskaya IV (eds.) *The traditional worldview of the Turks in South Siberia. Sign and ritual*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1990:93 (in Khakas and Russian).
18. Mainogasheva VE. (ed.) *Altyn Aryg. Khakas heroic epic*. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature; 1988:592 (in Russian). (Epics of the peoples of the USSR).
19. Sagalaev AM, Oktyabrskaya IV (eds.) *The traditional worldview of the Turks in South Siberia. Human. Society*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1989:243 (in Russian).
20. Novichkova TA. *Epic and myth*. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2001:247 (in Russian).
21. Subrakova OV, Beloglazov PE, Kaskarakova ZE (eds.) *Khakas-Russian Dictionary*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2006:1114 (in Russian).
22. Shulbayev SI. *Ai Solbannan Kyun Solban: heroic epic*. Abakan: House of Writers of Khakassia; 2021:292 (in Khakas).

Об авторе

Чистобаева Надежда Степановна, кандидат филологических наук, заведующий сектором фольклора, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение Республики Хакасия, ORCID: 0000-0002-3465-8340, e-mail: chistobaeva-76@mail.ru.

About the author

Nadezhda S. Chistobaeva, Cand. Sci. (Philology), Head of the Folklore Sector, Khakas research institute of language, literature and history, ORCID: 0000-0002-3465-8340, e-mail: chistobaeva-76@mail.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию 28.11.2024 / Submitted 28.11.2024

Принята к публикации 28.02.2025 / Accepted 28.02.2025